
Размышления о российском среднем классе в контексте статьи Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой «Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция»¹

В.А. АНИКИН

В настоящей статье рассматривается проблематика среднего класса, освещенная в работе Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой. Предложенная статья основывается на данных альтернативных эмпирических исследований российского среднего класса, которые дают почву для постановки новых вопросов, связанных с неоднородностью среднего класса и перспективами его развития в ближайшем будущем. Также поднимается ряд методологических вопросов, которые касаются сложности понятия «среднего класса» как аналитической категории; рассматривается генезис этого понятия и явлений, послужившие почвой для возникновения теории среднего класса. Доказывается, почему именно структуралистский взгляд на природу социального неравенства является сегодня наиболее адекватным для понимания феномена среднего класса и объяснения его динамики.

Ключевые слова: средний класс, стратификация, социально-профессиональная структура, социальное неравенство, рабочие места, политические установки, эмиграция

Возросшая в обществе гражданская и политическая активность заметно подогревает интерес интеллектуалов к горячим темам. Одни из самых жарких дискуссий разворачиваются вокруг вопросов о социальном неравенстве и среднем классе. Зачастую творчество интеллектуалов сопровождается яркими эпитетами, которые с лихвой компенсируют эмоциональную сдержанность большей части открытий, сделанных в России за последние двадцать лет в области социальных наук. Публикация Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой является ярким примером живого и острого

¹ Статья Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой «Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция» опубликована в журнале «Мир России». 2013. № 2.

текста, который в силу провокационного характера некоторых его положений заслуживает самого пристального внимания. Продолжая добрую традицию научной полемики на страницах академических изданий, которая сегодня практически забыта, автор данных размышлений попытается представить альтернативный взгляд на проблему российского среднего класса, представленную в статье Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой, заранее пронося глубочайшие извинения, если некоторые его суждения покажутся коллегам предвзятыми.

Позитивный характер научных провокаций состоит в привлечении внимания аудитории к отдельным сюжетам и их проблематизации. Вместе с тем провокация является яркой формой, которая ставит ее адептов в зависимость от законов жанра, главный из которых – критика; ею же пропитана вся статья Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой. Первые строки текста обличают ангажированность и невежество российской социальной науки, занимающейся проблематикой среднего класса и модернизации: «Сама по себе эта тематика актуализировалась с подачи околокремлевских политехнологов и консультантов... отечественная и академическая, и университетская наука (как и примыкающие к ним “независимые” научные центры) откликнулись на подобные ожидания огромным количеством заказных или инициативных исследований разного масштаба, направленных на доказательство не просто существования, но и бурного роста численности среднего класса в России», – сетуют исследователи².

Сегодня существует масса публикаций, которые свидетельствуют в пользу высказываемой авторами позиции. Несмотря на то, что причин этому может быть много, главная из них состоит не в политической ангажированности анализа, хотя и такое случается, а скорее в некорректных оценках среднего класса, основу которых составляет так называемая «функционалистская парадигма», о которой подробно будет сказано ниже. Вместе с тем законы жанра берут свое, и авторы остаются безапелляционны. Так, в тексте не находит отражение тот факт, что о проблемах социокультурной модернизации [Лапин 1996], главным социальным субъектом которой и должен был стать средний класс [Умов 1993], в российской науке заговорили еще в середине 1990-х гг. в контексте модели либеральных реформ, которая реализовывалась в то время в России, то есть за 10 лет до того, как эта тема вошла в активный лексикон современных политиков. Тогда отечественная и зарубежная наука вновь вернулась к вопросу о том, является ли Россия «нормальной страной» [Shleifer, Treisman 2004] – и тогда все ее проблемы являются типичными для стран с переходной экономикой – или же социальные и экономические процессы являются следствием отношения нашей страны к особой (суб)цивилизации [Лексин 2012; Липкин 2012], а значит, должны изучаться под призмой этого отношения. Исторические корни данного спора насчитывают более 150 лет, о чем порой забывают некоторые представители прикладного обществоведения. Крайне полезно, что текст Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой возвращает читателя к этому дискурсу, несмотря на то, что делается это лишь в поле критического осмысления современной российской социологии и экономики.

² См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 4.

Бегло затрагивая проблемные зоны общественной науки в современной России, коллеги справедливо сокрушаются о том, что «сегодня у нас нет хорошей (“интересной”, как говорил К. Поппер) систематической теории социальной стратификации российского общества...», поскольку «ни одна из имеющихся аналитических разработок... не дает удовлетворительной таксономии социальных образований в постсоветское время». Как следствие, по мнению исследователей, «практически ушли из актуальной повестки социологов и экономистов проблемы “рабочего класса”»³. Вероятно, это можно считать анонсом будущего аналитического интереса Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой, поскольку из текста настоящей статьи проблематику рабочего класса авторы полностью исключили, сосредоточившись на «актуальных» темах – среднем классе и эмиграции. В связи с этим важно понять, насколько сформулированные авторами болевые точки российской социальной науки действительно оправданы состоянием дел, а не дум?

Социальная структура современной России – эрозия советской топологии или новые основания?

Центральный тезис работы постулирует отсутствие принципиальных различий между моделью стратификации современного российского общества и социальной структурой, сложившейся в советское время. Авторы с уверенностью говорят «лишь об эрозии прежних морфологических таксономий», замечая при этом, что растущая дифференциация доходов не ведет к «заметному изменению морфологии общества, поскольку рост благосостояния у верхних 20% населения не связан с процессами роста эффективности экономики»⁴. Из этого суждения видно, что Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая оценивают основания социальной стратификации с позиций меритократического подхода, согласно которому иерархия социальных статусов заполняется в соответствии с той лептой, которую вносят индивиды и группы в развитие общества. Сложность момента состоит в том, что в отношении современной России эксплуатация этого подхода значительно затруднена, что хорошо демонстрируют сами же исследователи (см., например, таблицу 3⁵).

Система социальной стратификации в СССР, напротив, хотя и была закрытой темой советской науки, сведенной официальной пропагандой к формуле «2+1» [Руткевич 1968], на практике оказывалась намного ближе к меритократической модели⁶, чем система социальной стратификации, сложившаяся в России в поре-

³ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 4.

⁴ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 25.

⁵ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 62.

⁶ Во многом это было обусловлено рядом мер, инициированных советским руководством в период НЭПа по достижению социальной однородности, первоначально связанных с преодолением противоречия между рабочим классом и крестьянством [Амвросов 1978; Буслов 1979]. Однако в силу масштабной бюрократизации, вызванной закрытием и последующей централизацией национальной экономики, а также параллельным сращиванием партии и правительства в стране образовался класс служащих, занятых в структурах, поддерживающих хозяйственную,

форменные 1990-е гг. [Черныш 2008]. В 1960–1970-е гг. высокие темпы мобильности, связанные с интенсивными процессами индустриализации и урбанизации работали на поощрение по-настоящему талантливой молодежи, вовлекаемой в систему общесоюзной «ротации кадров» из разных уголков нашей страны [Руткевич 1976]. В итоге даже в составе высших эшелонов власти оказывались люди «рабоче-крестьянского» происхождения, что в современной России уже едва ли возможно, особенно в условиях набирающей обороты тенденции к нисходящей социальной мобильности [Шкаратан, Ястребов 2011].

В этом смысле реформы 1990-х гг. привели к качественным изменениям в социально-экономической структуре общества, главным проявлением которых стал отход от традиций пусть даже условно меритократической системы, сложившейся в Советском Союзе. В условиях перехода страны к новой реальности торгового капитализма⁷ поддержание такой модели стратификации оказалось слишком затратным, что привело к закрытию прежних каналов социальной мобильности и отказу власти от ряда завоеваний государственного социализма позднего советского периода. На протяжении всей новейшей истории страна демонстрировала переход к принципиально новым основаниям социальной стратификации под влиянием новых принципов внутренней государственной политики. Исследование этих оснований и принципов, часто рассматриваемых в свете факторов, тормозящих структурные реформы в современной России, давно стало главным научным интересом не только отечественных, но и зарубежных ученых [Ильин 2000; Тихонова 1999; Шкаратан 2009; Lenski 2008].

Непонимание или затушевывание вопроса о новых основаниях социальной стратификации в современной России чревато серьезной аналитической стагнацией, что неизбежно при исключении из анализа таких значимых социально-экономических феноменов, появившихся в 1990-х гг., как:

- массовая маргинализация ядра советского среднего класса [Стариков 1994], образованного преимущественно специалистами и служащими [Balzer 1996], а не промышленными рабочими, как утверждают авторы статьи;
- появление массового слоя «новых бедных» [Silverman, Yanowitch 1997], которые «по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не относились к низшим слоям»

управленческую и политическую деятельность [Гордон, Назимова 1983; Лукина, Нехорошков 1982]. Эти процессы разворачивались на фоне основных профессиональных сдвигов в СССР [Волков 1999]. Так, к 1970-м гг. система рабочих мест с большой долей позиций для представителей нефизического труда, подавляющее большинство которых концентрировалось в крупных городах, сложилась окончательно. В итоге за 50 лет (с 1926 г. по 1976 г.) число лиц нефизического труда выросло в 12 раз – с 3 млн до 36 млн. Наряду с этим формирование номенклатуры (позиций в должностной иерархии партийно-государственной системы, подлежащих утверждению в Учетно-распределительном отделе ЦК) и обособление ее как социальной группы, протокласса [Заславская, Рывкина 1991] противоречили официальной риторике, что значительно затрудняло проведение объективного анализа социальной структуры советского общества. Тем не менее, несмотря на эти черты социальной динамики в СССР, образование новых профессиональных групп, формальная ориентация власти на социальную однородность, а также распределительная политика трудовых ресурсов открывали каналы мобильности и расширенного социального воспроизводства для широких слоев, что могло выступать фактором мотивации и своеобразной формой компенсации за труд и таланты [Руткевич 1976].

⁷ Торговый капитализм определяется завышенной нормой торговой прибыли по отношению к норме предпринимательской (инновационной) прибыли. О проблемах перехода к промышленному капитализму в современной России, а также о возможных эмпирических индикаторах этого перехода в см. [Clark 2006].

[Римашевская 1997, с. 56], то есть преимущественно из состава советского среднего класса;

- падение престижа интеллектуальной работы, содержательного труда и мастерства [Латин 1992], а также рост статусной рассогласованности в этой точке социальной структуры [Саблина 2000];
- образование колоссального внутреннего долга власти перед населением [Глазьев 1998; Кабалина, Кларк 1996; Шкаратан 2009] за а) несправедливое перераспределение общественной собственности и ошибки приватизации [Леонов 2002; Полеванов 1995; Явлинский, Космынин 2011]; б) тотальное обесценение финансовых накоплений трудовых доходов советского населения [Шмелев 1996]; в) ликвидацию натуральной поддержки властями трансфертных групп населения.

Замалчивание этих вопросов, а также игнорирование разработок ведущих научных центров России по изучению социально-экономических процессов, социальной структуры и институтов российского населения⁸ значительно обедняют социальный анализ происходящего, повышая градус субъективных суждений о «дифференцирующих признаках социальной стратификации». В качестве главного признака Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая называют унаследованные с советских времен «характеристики социального отношения субъекта к власти, точнее – к закрытым системам номенклатурной иерархии»⁹.

При кажущейся очевидности такого суждения оно верно лишь для узкой прослойки элитарных групп, которые авторы местами отождествляют с верхними слоями общества¹⁰. По данным исследований, власть действительно является сегодня дефицитным ресурсом, которым обладает меньшинство населения [Тихонова 2007], принося ренту в сочетании с экономико-финансовыми ресурсами лишь исключительным социальным группам. Однако для большинства граждан в постсоветской России главным доминирующим основанием социальной дифференциации стала именно финансовая и экономическая форма активов, связанная с покупательной способностью и рыночной властью.

Распространение новых типов экономической деятельности в 1990-х гг. вызвало спрос на определенный тип рабочей силы, обладающей новым знанием и компетенциями, позволяющими эффективно вести торговлю и оказывать качественные услуги. Наглядное тому подтверждение – пример успешных карьер

⁸ Прежде всего, необходимо отметить исследования Института социологии РАН, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Института философии РАН, Независимого института социальной политики, а также отдельных коллективов НИУ ВШЭ.

⁹ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 22.

¹⁰ Согласно структурной теории, стратификационные слои выделяются в противовес классам или реальным социальным группам, образованным и связанным между собой помимо самоидентификации однотипным отношением к высокорентным активам. В рамках этого подхода под «элитой» понимается определенная совокупность людей, отвечающая за принятие решений стратегического плана в масштабах всего общества. Поскольку эта совокупность людей обладает единством осознаваемых интересов, формирующих общность их мировоззрения и даже коллективного действия, то она должна рассматриваться как группа, которая характеризуется качеством целого, со свойственной ей внутренней структурой, ядром и периферией. Другими словами, отличие группы от слоя состоит в том, что слой не имеет четких социальных границ, единства культуры, интересов и поведенческих моделей.

ерных линий, демонстрируемых отечественными специалистами и рабочими в российских филиалах западных компаний. В дополнение к этому, хорошее образование уже к 2000-м гг. стало «элитарным» и «коммерциализированным» [Константиновский 1999; Овсянников 1999; Чередниченко 1999], не говоря об определенных типах профессиональной деятельности. Поэтому сегодня работа человека, его квалификация и образование наряду с занимаемой должностью, кругом общения, образом жизни, доходом, частной собственностью¹¹ и финансовыми ресурсами могут сказать достаточно о его положении в общественной иерархии.

Все это укладывается в логику ресурсного подхода и теорию капиталов [Бурдые 2005; Заславская 2004; Ильин 2000; Радаев 2002; Тихонова 2006; Grusky 2008], хорошо зарекомендовавшую себя при изучении социального неравенства в современной России [Тихонова 2007]. Согласно этой теоретической линии, в странах, прошедших индустриализацию, к которым относится и Россия, позиция в социальной структуре определяется не столько изолированными ресурсами, сколько сочетанием их форм. В этом отношении интерес структурной теории может быть направлен на поиск таких сочетаний и выявления степени их дефицитности и возможностей капитализации [Тихонова 2006; Овчинникова 2008].

Средний класс в современной России: скорее жив, чем мертв

Когда определенная совокупность людей, обладающих схожим сочетанием рентных активов и занимающих специфические структурные позиции в профессиональной и должностной иерархии, при обособлении от других больших социальных групп начала характеризоваться социальной и культурной однородностью [Шкаратан 2005], ученые ввели понятие «среднего класса»¹². В соответствии с континентальной традицией XIX в. эти люди стали именоваться традиционным или «старым средним классом», по образующей его ядро *petite bourgeoisie* (мелкой буржуазии)¹³.

¹¹ Зачастую о частной собственности говорится в контексте правовых отношений. Не стала исключением и рассматриваемая статья, в которой указывается на необходимость учета «характера легитимности собственности» при построении формальных таксономий социальной стратификации общества (см. «Мир России». 2013. № 2, стр. 6). Вместе с тем сегодня одним из важнейших является вопрос о том, какой из видов частной собственности является наиболее доступным для россиян. Согласно исследованиям, проводимым в России в середине 2000-х гг., относительно благополучных с точки зрения экономической ситуации, отражением реального уровня жизни выступало количество товаров длительного пользования и автомобилей [Деватов 2006]. Именно эти виды собственности являются сегодня наиболее доступными для россиян, на которые и тратятся основные доходы, сбережения и кредиты большинства наших граждан [Аникин, Лежнина, Тихонова 2006]. Эта проблема является характерной для российского общества и требует самостоятельного изучения в рамках стратификационных исследований.

¹² При этом необходимо помнить, что проблематика среднего класса имеет глубокие исторические и даже социально-философские корни. О «стоящих по середине» между «очень состоятельными» и «крайне неимущими», на которых опирались наиболее устойчивые из древних политических режимов, писал еще Аристотель в своем труде «Политика» [Аристотель 1984, с. 507-508].

¹³ Стоит отметить, что помимо мелкой буржуазии в состав традиционного среднего класса входили также мелкие торговцы, лавочники, ростовщики, агенты, служащие, чиновники, – словом, все те, кто не был занят физическим трудом в рамках организованных производств.

Главная причина такого названия – в традиционной форме активов, приносящих этой группе ренту, – мелкая частная собственность на средства производства, которая капитализировалась за счет приложения собственного труда (самозанятость) либо рабочей силы домохозяйства и реже – внешнего найма [Mills 1951].

Традиционный средний класс в ряде европейских стран еще в первой половине XX в. образовывал достаточно массовую группу, весьма инертную в политическом отношении [Пантин 1993]. Сегодня многие ошибочно полагают, что политическая активность является неотъемлемым признаком среднего класса. Однако трансформация класса в коллективного актора предполагает осознание людьми их классовых интересов, а также создание соответствующих политических структур по борьбе за эти интересы, о чем подробнее будет сказано ниже. Ярким примером выражения такого классового интереса является стремление к социально-экономической и политической стабильности, обеспечивающей сохранность рабочего места, семейного дела и, соответственно, определенных финансовых потоков. Такое стремление характеризует политические и гражданские функции традиционного среднего класса, что в условиях обеспечения этой стабильности объясняет его политическую инертность. Поэтому экономический спад может приводить к активизации традиционного среднего класса в борьбе за радикальные политические программы, ставящие целью вернуть былое положение дел. Похожие тенденции наблюдались в послевоенной Германской империи 1920-х гг., отразившиеся в росте популярности национал-социализма среди традиционного среднего класса, до этого «вынужденного колебаться между капиталом и рабочими» [Reich 1975].

С ростом производительности труда, массовизацией образования и увеличением численности рабочих мест в корпоративном секторе и государстве роль мелкой буржуазии претерпела существенные изменения¹⁴. Разложение «старого» среднего класса сопровождалось в некоторых промышленно развитых странах Западной Европы образованием профессиональной группы квалифицированных работников нефизического труда¹⁵. Сложное содержание труда и специфические требования рабочих мест способствовали укоренению в этих рабочих местах новой парадигмы мышления, тяги к улучшениям, самосовершенствованию и самореализации через профессию, что отражалось в активной гражданской и политической позиции с ориентацией на постоянные реформы. В рамках определенной традиции таких людей даже стали называть «креативным классом» [Florida 2002], когда количество соответствующих структурных позиций в экономике достигло критической точки. Так, в 1950 г. доля профессий, которые отличались сложными профессиональными навыками и высокой индивидуальной ответственностью, со-

¹⁴ Например, в Западной Германии частные предприниматели и участвующие в их бизнесе члены семей в 1950 г. составляли 32% занятого населения, хотя уже к 2000 г. их доля сократилась до 12%. В то же время доля наемных работников в течение примерно того же периода возросла в этой стране примерно с 68% до 89% [Фестер 2008]. Рост производительности привел к сокращению занятых в сельском хозяйстве (с 25% до 2,5%), которое также пришлось в Западной Германии на 50-70 гг. XX в. (тогда как в США этот процесс оформился в первой половине XX века). Развитые страны, в которых доля частных предпринимателей и самозанятых остается высокой, сохраняют весомый вклад сельского хозяйства в структуре общественного продукта (например, Греция, Испания).

¹⁵ Исключение составляет Великобритания, в которой мелкая буржуазия претерпела пролетаризацию, при которой старые ремесленники были поглощены классом индустриальных рабочих [Thompson 1964].

ставляла в общей структуре занятий экономики Западной Германии всего 5%, а к 1987 г. доля этих профессий возросла до 22% [Фестер 2008, с. 27–30]. Состав этой новой группы наемных работников, образующих сегодня ядро среднего класса как основу экономики знаний [Burton-James 1999], формировался не только из мелких собственников, но и из среды рабочих [Grünberg 1932, Mills 1951; Poulantzas 1974], хотя в число высококвалифицированных работников умственного труда попало меньшинство из них. В большинстве случаев выходцы из среды рабочих и традиционного среднего класса, сменивших в рамках межпоколенной мобильности профессиональный статус, оказались занятыми на позициях нефизического труда средней и низкой квалификации.

Если в Европе профессиональная структура с преобладающим слоем наемных работников нефизического труда сформировалась к концу 70–80-х гг. XX в.¹⁶, то в США о «белых воротничках» как о классе заговорили уже в 50-х гг. XX в. Чарльз Миллс назвал их «новым средним классом» [Mills 1951]. Со временем в недрах структурной традиции были определены устойчивые дифференцирующие признаки «нового среднего класса», которые для России могут быть специфицированы следующим образом [Аврамова 2002; Беляева 1999; Аникин, Хромов 2008; Левада 1998; Лепехин 1998; Малева 2003; Тихонова, Мареева 2009; Хахулина 1999, Шкаратан 2005]:

- характеристики социально-профессионального статуса (критерий нефизического характера труда);
- образование (наличие как минимум среднего специального образования)¹⁷;
- уровень благосостояния (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом¹⁸);
- показатель самоидентификации (например, интегральная самооценка индивидом своего положения в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов).

За точку отсчета в данном подходе берутся не столько функции (исключение составляет индикатор самоидентификации), выполняемые рассматриваемой группой индивидов в сфере потребления, досуга, политики и других сферах жизни общества¹⁹, сколько структурные позиции, занимаемые этой группой. Другими словами, в рамках структуралистской логики сначала выявляются позиции людей в вертикальной иерархии в соответствии с местом, которое занимает индивид на той

¹⁶ В то же время доля наемных работников в течение примерно того же периода возросла в Германии с 68% до 89%.

¹⁷ Мелкая буржуазия в рамках данного подхода учитывается как «традиционный средний класс», то есть аналитически выделяется в обособленную группу. При мягких критериях, в традиционный средний класс могут быть включены даже высококвалифицированные рабочие [Goldthorpe et al. 1969]. И хотя данная стратегия основывается на практике отнесения традиционного среднего класса к «низшему среднему классу» [Mayer 1975], при конечных расчетах российские исследователи могут ассоциировать предпринимателей с ядром нового среднего класса по причине их высокого человеческого капитала, необходимого для успешного ведения малого бизнеса в России.

¹⁸ Включение в расчет медианных показателей благосостояния позволяет учесть срединное положение, являющееся одной из качественных характеристик средник классов разных стран [Заславская, Громова 1999].

¹⁹ Примером таких функций среднего класса могут служить следующие: 1) посредничество между верхами и низами, 2) социальный стабилизатор общества, 3) ведущий агент прогресса, 4) носитель национальной культуры и общественных интересов [Заславская, Громова 1999].

или иной стратификационной оси, а затем определяется степень функциональной однородности, то есть поведенческие и мировоззренческие особенности группы. Адепты функционалистского подхода первым шагом выделяют людей, включенных в определенные практики, носителей конкретных установок и моделей мышления; определение структурных позиций выделенных для анализа индивидов осуществляется на последующем шаге исследования.

Функционалистская методология активно используется для выделения кластеров социокультурной модернизации [Тихонова 2006], когда первичным для анализа является приверженность людей либо «модернистским», либо «традиционалистским» стереотипам мышления, которые могут локализоваться в конкретных социальных группах (например, в новом или традиционном среднем классах), а могут быть распределены по всему обществу без видимой концентрации в каких-то определенных группах. Проблематика среднего класса как традиционного, так и нового, напротив, вошла в мировую науку через призму структурных позиций, объединенных общей классовой ситуацией, которые, как выяснилось, обладают еще и общностью жизненных устремлений, политических установок, мировоззрения и поведенческих моделей.

Исследования показывают, что оценка отмеченных выше структурных признаков позволяет выявить качественные отличия российского среднего класса от остальных слоев населения целым рядом «особенностей занимаемых им в системе производственных отношений структурных позиций, которые сближают его со средним классом западных стран» [Тихонова, Мареева 2009, с. 146]. Речь идет, прежде всего, о специфике находящихся в его собственности как инкорпорированных, так и неинкорпорированных активов (знаний, навыков, культурного капитала и прочее), а также вытекающие из этой специфики особенности занятости и положения на рынках труда [Тихонова, Мареева 2009, с. 146], что позволяет рассматривать этих людей не просто как средний слой, а как реальную социальную группу [Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2012], то есть как социальный класс со своей национальной спецификой [Головаха 1995; Кивинен 2004] и структурной неоднородностью [Здравомыслов 2001].

Примечательно, что вопрос о структурной неоднородности среднего класса (как горизонтальной, так и вертикальной) не получает развития в статье Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой, хотя он в некотором смысле является ключевым для понимания судьбы среднего класса. Авторы ограничиваются общим размышлением о том, что «этот слой «концентрируется в “молодых людях”», что, с их точки зрения, является «важнейшим фактором торможения и постоянных срывов попыток модернизировать страну в постсоветский период»²⁰. И хотя это расходится со многими исследованиями, часть из которых перечислена выше, авторы отождествляют крайне немногочисленную группу молодых образованных москвичей с ежемесячным доходом более 88 тыс. руб. со всем российским средним классом. Так, согласно оценкам, полученным на всероссийских выборках коллективом Института социологии РАН [Тихонова, Мареева 2009], молодое поколение в составе среднего класса

²⁰ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 29.

не превышает 50%, доходы свыше 25 тыс. руб. имеют не более 15% ядра среднего класса, которое лишь на 47% представлено жителями крупных городов (численностью свыше 500 тыс. жителей). Более того, эта часть российского среднего класса отлично «имплантируется» в села и малые города, о чем говорит относительный успех горожан в периферии по сравнению с местными жителями [Лежнина 2008].

Согласно исследованию Н.Е. Тихоновой и С.В. Мареевой²¹, ядро среднего класса (то есть его высшую часть или «средний класс-1») в современной России формируют руководители, предприниматели, специалисты с высшим образованием, имеющие навыки работы на компьютере, обладающие квалификацией, востребованной современной экономикой. Можно сказать, что в основе своей – это так называемые информационные работники, образующие высший средний класс не только в России [Кастельс 2000; Любимова, Шкаратан 2008; Шкаратан 2009]. С 2003 г. по 2011 г. численность ядра российского среднего класса выросла с 11% до 15% населения страны. По своему составу и численности эта группа напоминает «средний слой» (14–18%), выделяемый Т.И. Заславской на данных ВЦИОМ за 1993 г. [Заславская 1998]. Отличие состоит лишь в том, что у Т.И. Заславской значимую долю среднего слоя образует мелкая буржуазия и «полупредприниматели» [Заславская 1995], которых при исследовании среднего класса, согласно выше изложенному анализу, логичнее классифицировать в русле концепции традиционного среднего класса, то есть обособленно от руководителей среднего уровня и высококвалифицированных профессионалов. Более того, аналитическая модель Т.И. Заславской предоставляет ограниченные теоретические средства для априорного объяснения причин малочисленности средних слоев, в то время как рассмотрение этого слоя в качестве группы, являющейся ядром более массового социального образования (то есть относительно своей периферии), в некотором смысле снимает эту проблему.

Периферия ядра среднего класса в рамках такого подхода является низшим средним классом (или «средним классом-2»), который по своему внутреннему составу также неоднороден. В состав ближней периферии ядра среднего класса входят самозанятые, служащие со средним специальным образованием; группы с рассогласованием их профессиональной позиции и уровня образования/навыков работы на компьютере, а также неработающие представители среднего класса, например, часть пенсионеров, людей, вовлеченных в домашний труд, а также россиян, находящихся в длительном отпуске. Это важный аспект, поскольку Т.И. Заславская строит свою модель лишь на основе работающего населения стра-

²¹ Более подробный разбор топологии этих исследований обусловлен уникальностью и глубиной проведенной ими работы, в которой предложена конкурентоспособная методика структурирования среднего класса и определения его границ, что отмечают и другие исследователи: «В принципе в методике, предложенной Н.Е. Тихоновой, мы видим то, чего не смогли увидеть в других вышеизложенных методиках. А именно – сочетание социологического и статистического методов» [Здравомыслов 2001, с. 83]. Более того, авторы показали динамику формирования среднего класса (с 2003 г. по 2009 г.) с точки зрения его внутренней структуры и отношения к собственности и вытекающие из этого особенности занятости и положения на рынках труда входящих в его состав групп. Едва ли можно говорить, что исследователи в полной мере решили проблему доказательства существования среднего класса, однако оценки, полученные ими на серии репрезентативных выборок, позволяют учесть специфику национальной экономики и, таким образом, спрогнозировать будущее среднего класса как в ближайшей, так и долгосрочной перспективе.

ны, а это не более 75%. С 2003 г. по 2011 г. численность ближней периферии осталась прежней (18%), хотя в разные годы колебалась от 15% (в 2009 г.) до 21% (в 2010 г.). Дальнюю периферию среднего класса образуют все те, кто не проходит в состав среднего класса по уровню образования, благосостояния или самоидентификации. Это достаточно массовая категория граждан, которая в 2003 и 2011 гг. охватывала до 23% населения страны (а в кризисный 2009 г. достигала даже 25%²²).

В свете этого выявленная Н.Е. Тихоновой и С.В. Мареевой внутренняя неоднородность российского среднего класса позволяет спрогнозировать его дальнейшую судьбу, что затруднительно в рамках тех аналитических средств, которые предлагают другие исследователи, в том числе и таксономия Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой. В условиях глобализации это становится важной практической задачей [Белановский, Дмитриев, Мисихина, Омельчук 2012; Zunz, Schoppa, Hiwatari 2002]. Полученные Н.Е. Тихоновой и С.В. Мареевой результаты хорошо иллюстрируют оценки Мануила Каstellса [Castells 2004]: при переходе к постиндустриальному обществу средний класс будет заметно суживаться, что в условиях России будет сопровождаться «элитизацией» среднего класса-1 и «пролетаризацией» среднего класса-2, который уже сейчас некоторые исследователи называют «конторским пролетариатом» [Ильин 2002], или трансформацией его в «прекариат» [Standing 2011]. Это говорит о том, что через некоторое время Россия столкнется с фундаментальными социальными трансформациями, связанными с общемировыми процессами, некоторые из которых уже имеют место и в настоящее время²³. Неспособность и нежелание это замечать говорит о крайней степени аналитического отчуждения от рассматриваемой проблемы.

Средний класс или потребительский сегмент: спор о методологии

С методологической точки зрения, крайне важно подчеркнуть, что академические исследования среднего класса традиционно связаны с выявлением его «классовой» природы. Поиск классовых атрибутов связан с исследованием а) выраженности классовых интересов, возникающих по поводу распределения значимых

²² Расширение дальней периферии ядра среднего класса в кризисные годы ставит вопрос о жесткости и стабильности внутриклассовых границ. Такой механизм структурной адаптации российского общества к экономическим циклам может приводить к активизации консервативных настроений внутри среднего класса и приводить к росту внутриклассовых противоречий, выражаемых в политической борьбе при благоприятных для этого условиях.

²³ Например, превращение работников нефизического труда средней и низкой квалификации, составляющих основу среднего класса, в родовую рабочую силу [Stalder 2006], по мере роста производительного капитала, модернизации средств производства и усложнения требований рабочих мест, что сопровождается попаданием этих работников в другую классовую ситуацию, определяемую менее защищенным положением на рынках труда. При этом объем потребления собственности может даже вырасти, что противоречит пониманию классовой ситуации, предложенного М. Вебером, согласно которому собственность наряду с положением на рынках труда выступает ключевым признаком классовой ситуации. Поводом для таких прогнозов служит то, что в постиндустриальной экономике именно родовая рабочая сила становится основным субъектом массового потребления (в том числе жилья). По мере роста капитала потребление оказывается все более доступным, что в условиях повышения предложения труда средней и низкой квалификации обеспечивает понижение цен на труд родовой рабочей силы, возможно даже ниже уровня свой себестоимости, приводя к обратной пролетаризации некогда обуржуазенного среднего класса.

(рентообразующих) ресурсов или их дефицитного сочетания; б) готовности к коллективным формам действия в гражданской и политической сфере; в) или нахождения в сходной классовой ситуации, определяющей рыночную силу в договорных отношениях по поводу выполняемой деятельности и доступ к формируемой экономикой добавленной стоимости.

Эти вопросы были выведены авторами за круг рассматриваемых задач. К сожалению, в тексте не дается описания сущностных и/или конституирующих характеристик среднего класса, не говоря уже об исследовании его «классовой» природы или доказательствах ее отсутствия²⁴. Помимо прочего, на определенном этапе предмет статьи как будто растворяется, поскольку даже из графических и табличных сопоставлений с «остальными слоями» исчезает главный пункт сравнения – сам «средний класс», который авторами называется то слоем, то классом, то «явным меньшинством». Причем последнее приводится как неоспоримое доказательство отсутствия среднего класса в современной России, хотя выделяемая исследователями группа вполне может рассматриваться как часть ядра городского среднего класса, что подтверждается альтернативными исследованиями научных центров, упомянутых выше. Более того, работы зарубежных коллег показывают, что есть случаи, когда меньшинства, образованные на рынках труда, могут существовать как небольшие классы²⁵.

Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая критикуют российских коллег за то, что в силу «искусственных натяжек» и «идеологических подмен» они заимствуют понятие среднего класса «из сетки операциональных понятий социальной структуры обществ, завершивших процесс модернизации, то есть закончившие переход от структуры обществ закрытого сословного социума к открытому обществу с динамической рыночной экономикой, к правовому государству, ограниченному рамками закона и разделению властей, с институтами представительской демократии и т.п.»²⁶. Вместе с тем все названное может быть следствием социальной структуры, иерархической диспозиции больших и малых групп, сложившейся вследствие эволюции производственных отношений и борьбы за ресурсы. Более того, именно с этой перспективы анализа начинается вся структурная социология [Giddens 1986]. Возможно, именно поэтому авторов разочаровывает предлагаемое ими понимание среднего класса: «использование такого понятия “среднего класса” приобретает абсурдный смысл»²⁷.

Постепенно в статье накапливается сложность методологических узлов, которые могут ограничить понимание проблематики среднего класса у неподготовленного читателя. Заострение внимания на них необходимо, поскольку имеет отношение а) к типичной практике исследований по среднему классу, проводимых

²⁴ Нельзя сказать, что этот вопрос в полной мере решен отечественной наукой. Но нерешен он в разной степени у разных исследователей, в том числе и процитированных выше. В данном случае речь идет о необходимости постановки такого вопроса при исследовании среднего класса.

²⁵ См., например, концепцию «микрочассов», разработанную Дэвидом Груски и его коллегами [Jonsson, Grusky, Di Carlo, Pollak, Brinton 2009].

²⁶ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 27.

²⁷ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 27.

в России; б) поднимает ряд вопросов, непростых даже для специалистов по данной теме. Обобщение этих нюансов, о части из которых речь шла выше, позволила сформулировать три группы основных сюжетов, к которым стоит относиться с особой бдительностью при исследовании среднего класса.

Во-первых, требуется определение методологических рамок, в которых происходит выделение базовых признаков среднего класса. Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая предлагают на роль определения среднего класса следующее описание: «... социальное множество людей (с трудом воспринимающих себя в качестве “слоя”), более информированных и адаптированных, высоко квалифицированных и образованных, по крайней мере, относительно других групп населения, а также – что очень важно – социабельных, общительных, имеющих достаточно весомый опыт контактов, в том числе – деловых, с внешним западным миром, обеспечивая чуть ли не треть внутреннего потребления...»²⁸. Как было отмечено выше, это определение имеет отношение к функционалистскому описанию определенной потребительской прослойки граждан, попадающей, согласно структуралистской логике, в состав ядра среднего класса.

Во-вторых, необходимо понимать ограничения выбранного подхода. Слабая сторона структуралистской парадигмы состоит в том, что необходимо априорно обосновывать выбор той или иной стратификационной оси, то есть необходимо признать, что именно выбранные оси являются ключевыми для определения статуса, что не всегда возможно. Подводные камни с функционалистским подходом состоят в том, что выделяемые функции могут противоречить друг другу, также утрачивается целостный взгляд на социальную структуру как систему иерархически организованных социальных групп – центральным критерием «классовости» при этом становится массовость. Когда этот критерий не выполняется, делается вывод, что средний класс «сохраняющим фантомность». Однако подобный вывод ставит вопрос о целесообразности дальнейшего анализа функций «фантома», в частности эмигрантских настроений и политических предпочтений молодых его представителей.

В-третьих, теория должна обеспечивать возможность понимания, объяснения и предсказания в рамках выбранной модели, а также аналитическую верификацию при помощи альтернативной теории. Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая убеждены, что средний класс по определению должен иметь политическую волю и значимое влияние в обществе, а главное – быть солидарным с другими группами населения. Если этого не наблюдается, то, по мнению авторов, едва ли можно говорить о среднем классе как таковом, но лишь о его фантоме: «Одно из важнейших социальных, экономических и политических противоречий такого сохраняющего фантомность “среднего класса”, заключается в том, что это социальное множество людей... не имеет... политического в демократическом смысле слова веса и влияния в обществе, поскольку он чрезвычайно малочислен, оторван от остальной, большей части населения и дистанцируется от этого большинства», – сетуют Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая²⁹.

²⁸ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 29.

²⁹ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 28.

При этом структурная социология подсказывает, что социальный класс (а не слой, страта или категория) может существовать в двух качественно различных ипостасях: «класс в себе» и «класс для себя». «Класс в себе» похож на ребенка, который себя еще не осознал; он не может эффективно бороться за собственные интересы, поскольку находится во власти превращенной формы, образа мысли и жизненных устремлений, навязываемых извне (правлящим классом). Как следствие, он демонстрирует слабую политическую волю и даже разрозненные гражданские и политические установки. По мере освобождения от оков иллюзорной формы сознания происходит «взросление» класса, его коллективное самоопределение, сопровождаемое осознанием собственных интересов. Возрастающая на этой почве внутриклассовая солидарность формирует коллективного актора, действия которого направлены на борьбу за собственные интересы путем создания соответствующих гражданских и политических институтов. Этими институциональными изменениями ознаменовывается качественный переход «класса в себе» в «класс для себя». В такой метаморфозе самая устойчивая форма общности – это внутриклассовая солидарность. Отношения с другими слоями и группами у «класса для себя» выстраиваются по принципу временного союзничества. Поэтому та «дистанцированность от большинства», о которой пишут Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая, может быть следствием того, что выделенный ими сегмент высшего среднего класса либо еще не осознал себя частью единого целого, либо, напротив, уже давно сформулировал собственные классовые интересы, определив своих социальных врагов.

Согласно же приведенным выше данным, средний класс в современной России находится на этапе своего становления, и в силу неоднородности внутриклассовой структуры эти процессы не совпадают по времени в разных точках этой группы, что затрудняет процесс консолидации среднего класса. Наиболее заметно это проявилось в 2012 г., богатым на яркие политические и социальные события в нашей стране, активизировавших у некоторых представителей среднего класса антисолидаристские установки. Так, Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая говорят об «усиливающейся с годами тревожности, чувстве бесперспективности или безнадежности как раз наиболее продвинутых, обеспеченных групп, которые и выражаются в росте “чемоданных” настроений»³⁰.

Однако, несмотря на всю ценность и своевременность озвученных установок (сопоставимых исследований по эмиграционным установкам в современной России сегодня не проводится), эти настроения не стоит преувеличивать. По результатам последних исследований, уехать за границу на ПМЖ для россиян в масштабах всего общества является крайне непопулярным желанием – его разделяют около 2% населения страны [см. подробно: *Аникин 2012*], что может охватывать не более 10% ядра среднего класса. Хотя здесь все же есть повод для беспокойства: показатель эмиграции квалифицированной рабочей силы из России в страны ОЭСР в кризисный 2008 г. составлял не менее 270 тыс. чел.³¹ (0,2% населения). Другими

³⁰ См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 37.

³¹ Статистика по миграции в страны ОЭСР приведена по изданию [*Docquier, Lowell, Marfouk 2008*].

словами, у этой негативной тенденции есть потенциал для роста и он исчисляется десятикратным размером, который в случае его реализации действительно будет чувствителен для страны, так как затронет уже около 2,5 млн граждан экономически активных возрастов.

В итоге по прочтении статьи Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой складывается впечатление, что авторы хотели сказать совсем не о том, с чего начали. Это ощущение усиливается тем, какие данные используют исследователи. Как было отмечено выше, Л.Д. Гудков и Н.А. Зоркая строят свою аргументацию на выборках «молодых горожан, имеющих высшее образование и статус не ниже специалистов, с высоким душевым доходом в семье (в опросе 2011 г. – в Москве не менее 2000 евро; в Санкт-Петербурге – 1500 евро, в других городах – не ниже 800 евро)»³², которых авторы иногда даже называют «наши респонденты». Эти данные позволяют хорошо описать ядро городского среднего класса в разрезе, однако еще раз подтверждают выводы коллег о том, что «по мониторингу ВЦИОМ нельзя получить определяющие данные об объективных характеристиках социальных групп» [Шкаратан 2005, с. 11].

Наилучшей альтернативой в данном случае представляется использование всероссийских выборок. Однако подавляющее большинство исследований среднего класса, которые проводятся на базе этих выборок, выполнены в рамках парадигмы эмпирического структурализма [Blau 1977]. При оптимистичных подсчетах средний класс получает оценки сложно структурированного класса, объединяя около половины населения страны. Находясь на этапе своей эволюции, он развивается совместно с российским капитализмом как достаточно сложное социальное образование, имеющее свою внутреннюю структуру и динамику, которая требует дальнейших исследований. Отдельного изучения заслуживает то, насколько представители ядра российского среднего класса находят применение своему человеческому капиталу, поскольку это является классовым интересом данной группы. Какие механизмы выражение собственных интересов и запросов в гражданской и политической сфере они используют, и как они оценивают перспективы быть услышанными, не говоря уже о реализации собственных интересов? Каковы при этом инструменты компенсации, используемые ядром среднего класса за отчуждение от политического диалога? Всё это вопросы, которые требуют специальных исследований.

Работа Л.Д. Гудкова и Н.А. Зоркой является хорошим примером такого исследования, в котором подробно разбирается ряд из этих вопросов, применительно к узкой группе из состава ядра среднего класса. Оценки, которые приводят авторы, позволяют получить ответ о компенсаторных инструментах, используемых значимым сегментом ядра городского среднего класса, – эмиграции. Это не исключает того, что другие представители ядра среднего класса прибегают к иным механизмам практического приложения собственной классовой идентичности – например, к участию в благотворительной деятельности и различным формам отстаивания

³² См. «Мир России». 2013. № 2, стр. 27. Стоит отметить, что эти зарплаты превышают медианные доходы москвичей и петербуржцев в несколько раз, а жителей малых городов – на порядок.

справедливости в повседневной жизни. Однако механизм эмиграции, хотя не является массовым, как было показано выше, на качественном уровне оказывает достаточно сильный заразительный эффект, сравнимый с суицидальными практиками. Поэтому оценки, полученные авторами, ценны тем, что позволяют поставить вопрос о возможных принципиальных трансформациях значимой части ядра городского среднего класса в течение ближайших 6–12 лет. Как при этом будет решаться вопрос о внутриклассовых противоречиях, и главное, кто станет движущей силой прогрессивных и иных изменений в обществе, и как эти изменения будут вписаны в международные процессы экономического и социального расслоения? Оставим эти вопросы для будущих исследований.

Литература

- Аврамова Е.М.* (2002) Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // *Общественные науки и современность*. № 1 (*Avramova E.* (2002) *Emerging of the Middle Class in Russia: Definition, Methodology and Quantitative Estimates // Obzhestvennye nauki i sovremennost'*. № 1).
- Аникин В.А.* (2012) Мечты о себе и мечты об обществе // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Отв. ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир (*Anikin V.* (2012) *Aspirations about oneself and aspiration of the Society // What are the Aspirations of Russians: Ideal and Reality / Ed. by M. Gorshkov, R. Krumm, N. Tikhonova. Moscow: Ves mir*).
- Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Тихонова Н.Е.* (2006) Поведение россиян в сфере страхования и финансовой сфере // Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: Наука (*Anikin V., Lezhnina Yu., Tikhonova N.* (2006) *Behavioral Patterns of Russians in Insurance and Financial Sphere // Property and Business in Russia: Perception and Reality / Ed. by M. Gorshkov, N. Tikhonova, A. Chepurenko; IS RAS. Moscow: Nauka*).
- Аникин В.А., Хромов К.А.* (2008) Воспроизводство человеческого капитала среднего класса // Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; ИС РАН. М.: Наука (*Anikin V., Khromov K.* (2008) *Reproduction of Human Capital of the Middle Class // Middle Class in contemporary Russia / Ed. by M. Gorshkov, N. Tikhonova; IS RAS. Moscow: Nauka*).
- Амвросов А.А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1978 (*Amvrosov A.* (1978) *Away from Class Differentiation towards Social Homogeneity of the Society*. 2nd ed. Moscow: Misl').
- Аристотель* (1984) *Политика* // Избранные произведения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль (*Aristotle* (1984) *Politics // Selected works in four volumes. Vol. 4. Moscow: Misl'*).
- Белановский С.А., Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г., Омельчук Т.Г.* (2012) Изменения социальной структуры российского общества и ее политические последствия: попытка прогноза // Мир России. № 1 (*Belanovskiy S., Dmitriev M., Misikhina S., Omelchuk T.* (2012) *The Shifts in the Social Structure of Russian Society and Their Consequences: an Attempt in Forecasting // Mir Rossii*. № 1).
- Беляева Л.А.* (1999) Критерии выделения среднего класса // Средний класс в современном российском обществе / Под общ. ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН, 'Российский независимый институт социальных и национальных проблем' (РНИСиНП) (*Belyaeva L.* (1999) *Criteria for Identifying of Middle Class //*

- Middle Class in Contemporary Russian Society / Ed. by M. Gorshkov, N. Tikhonova, A. Chepurenko. Moscow: ROSSPEN, 'Rossiyskiy nezavisimiy institut socialnih i nacionalnih problem' (RNIS&NP).
- Бурдые П. (2005) Формы капиталов // Экономическая социология. № 3 (Bourdieu P. (2005) The Forms of Capital // *Economicheskaya Sociologiya*. № 3).
- Буслов К.П. (1979) Социально-историческое развитие классов в СССР. Минск: Наука и техника (Buslov K. (1979) Socio-historical Evolution of Classes in the USSR. Minsk. Nauka & tekhnika).
- Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН РАН, 1999 (Volkov S. (1999) Intellectual Stratum in Soviet Society. Moscow: INION RAN).
- Глазьев С.Ю. (1998) Вашингтонский консенсус и научно-технический прогресс в России // Экономическая наука современной России. Приложение (Glaziev S. (1998) Washington Consensus and scientific and technical progress in Russia // *Economics in Contemporary Russia*. Appendix).
- Головаха Е.И. (1995) Изменение социальной структуры и формирование среднего класса на Украине // Социологический журнал. № 1 (Golovakha E. (1995) Changing of Social Structure and Emerging of the Middle Class in Ukraine // *Sociologicheskii zhurnal*. № 1).
- Гордон Л.А., Назимова А.К. (1983) Социально-профессиональная структура современного советского общества: типология и статистика // Рабочий класс и современный мир. № 2, 3 (Gordon L., Nazimova A. (1983) Socio-professional Structure of Contemporary Soviet Society // *Working Class and Contemporary World*. №. 2, 3).
- Гудков Л.Д., Зоркая Н.А. (2013) Стерилизация социальной дифференциации: российский «средний класс» и эмиграция // Мир России. № 2 (Gudkov L., Zorkaya N. (2013) Sterilization of Social Differentiation: Russian 'Middle Class' and the Emigration // *Mir Rossii*. № 2).
- Заславская Т.Н. (1995) О бизнес-слое российского общества // Общественные науки и современность. № 1 (Zaslavskaya T. (2004) On the Business Stratum of Russian Society // *Obschestvennie nauki i sovremennost'*. № 1).
- Заславская Т.Н. (2004) Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело (Zaslavskaya T. (2004) Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation. Moscow: Delo).
- Заславская Т.Н., Громова П.Г. (1998) К вопросу о среднем классе российского общества // Мир России. № 4 (Zaslavskaya T., Gromova R. (1998) To the Question of the Middle Class of Russian Society // *Mir Rossii*. № 4).
- Заславская Т.Н., Рывкина П.В. (1991) Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. Глава 20. (Zaslavskaya T., Rivkina R. (1991) Sociology of Economic Life: Notes of Theory. Novosibirsk: Nauka. Sib otd-nie. Chapter 20).
- Здравомыслов Г.А. (2001) Российский средний класс – проблема границ и численности // Социологические исследования. № 5 (Zdravomislov G. (2001) Russian Middle Class – the Issue of Boundaries and Quantity // *Sociologicheskie issledovaniya*. № 5).
- Ильин В.И. (2002) Белые воротнички в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? // Рубеж (альманах социальных исследований). № 15 (Ilyin V. (2002) White Collars in Contemporary Russia: the New Middle Strata or the Clerical Proletariat? // *Rubezh* (Almanac of Social Research). № 15).
- Ильин В.И. (2000) Социальное неравенство. М.: ЦСО ИС РАН (Ilyin V. (2000) Social Inequality. Moscow: CSE IS RAS).
- Кабалина В.И., Кларк С. (1996) Политика приватизации и борьба за контроль над предприятием в России // Рубеж (Альманах социальных исследований). № 8–9 (Clarke S. and Kabalina V. (1996) Privatisation and the Struggle for Control of the Enterprise in Russia // *Rubezh* (Almanac of Social Research). № 8–9).
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ (Castells M. (2000) The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: SU HSE).

- Кивинен М. (2004) Средний класс в современной России // Мир России. № 4 (Kivinen M. (2004) Middle Class in the Contemporary Russia // Mir Rossii. № 4).
- Константиновский Д.Л. (1999) Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС (Konstantinovskiy D. (1999) Inequality Dynamics: Russian Young People in a Changing Society: Preferences and the Courses in Education (between 1960s and 2000s). Moscow: Editorial URSS).
- Лапин Н.И. (1992) Тяжкие годы России (Перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. № 1 (Lapin N. (1992) Russia's Calamitous Time (Historical Transformations, Crisis, Values and Perspectives) // Mir Rossii. № 1).
- Лапин Н.И. (1996) Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. № 5. (Lapin N. (1996) Modernization of the basic values of Russians // Sociologicheskiye issledovaniya. № 5).
- Левада Ю. (1998) Средний человек // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. № 2. (Levada Yu. (1998) A Middle Man // Monitoring Obzhestvennogo Mneniya: Economicheskije i Socialnye Peremeny. № 2).
- Лежнина Ю.П. (2008) Основные социально-демографические факторы, определяющие риск попадания в малообеспеченные слои // Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? М.: ИС РАН (Lezhnina Yu. (2008) The Main Socio-Demographical Factors Determining the Risk of Being Forced into Badly off Strata // Those who are badly off in Russia: Who are they? How do they live? What are the aspirations of them? Moscow: IS RAS).
- Лексин В.Н. (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. № 4 (Leksin V. (2012) The Russian Civilization: a Case for System Diagnostics // Mir Rossii. № 4).
- Леонов Н.С. (2002) Крестный путь России 1991–2000. М.: Русский дом (Leonov N. (2002) Via Dolorosa of Russia 1991–2000. Moscow: Russkiy dom).
- Лепехин В.А. (1998) Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. № 4 (Lepexhin V. (1998) Stratification in Contemporary Russia and New Middle Class // Obzhestvennyye nauki i sovremennost'. № 4).
- Липкин А.И. (2012) Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. № 4. (Lipkin A.I. (2012) Russia Between Non-Modern 'Mandatory' Institutions and Modern Democratic Culture // Mir Rossii. № 4).
- Лукина В.И., Нехорошков С.Б. (1982) Динамика социальной структуры населения СССР: методология и методика исследования. М.: Финансы и статистика (Lukina V., Nekhoroshkov S. (1982) Dynamics of Social Structure of the USSR's Population: Methodology and Methods of Study. Moscow: Finance and Statistics).
- Любимова Т.С., Шкаратан О.И. (2008) Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. № 1 (Lubimova T., Shkaratan O. (2008) New Middle Class and Informational Workers on Russian's Labour Market // Obzhestvennyye nauki i sovremennost'. № 1).
- Малева Т.М. (2003) Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф (Maleva T. (2003) Middle Classes in Russia: Economic and Social Strategies. Moscow: Gendalf).
- Овсянников А.А. (1999) Система образования в России и образование России // Мир России. № 3 (Ovsyannikov A. (1999) Educational Sistem in Russia's Education // Mir Rossii. № 3).
- Овчинникова Ю.В. (2010) Динамика накопления человеческого капитала на фоне других ресурсов // Народонаселение. № 1 (Ovchinnikova Yu. (2010) Dynamics of Human Capital Acquiring Against the Background of Other Resources // Narodonaseleniye. № 1).
- Пантин В.И. (1993) Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // Политические исследования. № 4 (Pantin V. (1993) Russian Middle Class: Social Reality and Political Phantom // Politicheskije issledovaniya. № 4).

- Полеванов В.П. (1995) Технология великого обмана. М (Polevanov V. (1995) Technology of a Great Fraud. Moscow).
- Радаев В.В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. № 4 (Radaev V. (2002) The Notion of Capital, the Forms of Capital, and its Conversion // *Economicheskaya Sociologiya*. № 4).
- Римашевская Н.М. (1997) Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. № 6 (Rimashevskaya N. (1997) Social Effects of Economic Transformations in Russia // *Sociologicheskiye issledovaniya*. № 6).
- Руткевич М.Н. (1968) Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом // Классы, социальные слои и группы в СССР. М.: Наука (Rutkevich M. (1968) *Intelligentsia as a Social Group and its Convergence to the Working Class* // *Classes, Social Strata and Groups in the USSR*. Moscow: Nauka).
- Руткевич М.Н. (1976) Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма в СССР. М.: Знание (Rutkevich M. (1976) *Convergence of Classes and Social Groups in the Course of Matured Socialism in the USSR*. Moscow: Znaniye).
- Саблина С.Г. (2000) Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. № 1/2 (Sablina S. (2000) *Crystallization of Statuses of the Middle Classes in Contemporary Russia* // *Sociologicheskiy zhurnal*. № 1/2).
- Стариков Е.Н. (1994) Социальная структура переходного общества (опыт инвентаризации) // Политические исследования. № 4 (Starikov E. (1994) *Social Structure of a Transitional Society (Case of stocktaking)* // *Politicheskkiye issledovaniya*. № 4).
- Тихонова Н.Е. (1999) Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН (Tikhonova N. (1999) *Factors of Social Stratification in the course of Transition to the Market Economy*. Moscow: ROSSPEN).
- Тихонова Н.Е. (2006) Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. № 9 (Tikhonova N. (2006) *Resource Approach as a New Theoretical Paradigm in Stratification Studies* // *Sociologicheskiye issledovaniya*. № 9).
- Тихонова Н.Е. (2007) Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: ИС РАН (Tikhonova N. (2007) *Social Stratification in contemporary Russia: Case of Empirical Analysis*. Moscow: IS RAS).
- Тихонова Н.Е. (2008) Социокультурная модернизация в России // Общественные науки и современность. № 3 (Tikhonova N. (2008) *Sociocultural Modernization in Russia* // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 3).
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М (Tikhonova N., Mareeva S. (2009) *Middle Class: Theory and Reality*. Moscow: Alfa-M).
- Умов В.И. (1993) Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // ПОЛИС. № 4. (Umov V. (1993) *Russian Middle Class: Social Reality and Political Phantom* // *POLIS*. № 4).
- Фестер М. (2008) Социальные мильё, классы и стили жизни в Западной Германии // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / Под ред. В. Воронкова, М. Соколова; пер. с нем. К. Тимофеевой. СПб.: Алтея (Fester M. (2008) *Social Milieu, Classes, and Life Styles in Western Europe* // *Social Inequality. Changes in Social Structure: European Perspective* / Ed. by V. Voronkov, M. Sokolov; trans. K. Timofeeva. St. Petersburg.: Alteya).
- Хахулина Л.А. (1999) Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (Khakhulina L. (1999) *Subjective Middle Class: Incomes, Economic Conditions, Value Aspirations* // *Monitoring Obzhestvennogo Mneniya: Economicheskkiye i Socialnye Peremeny*. № 2).

- Чердниченко Г.А. (1999) Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. № 1/2 (*Cherednichenko G. (1999) School Reform of the 90s: Innovations and Social Selection // Sociologicheskij Zhurnal. № 1/2.*)
- Черныш М.Ф. (2008) Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН (*Chernysh M. (2008) Class Analysis and Contemporary Russian Society // Modernization of Social Structure of Russian Society / Ed. by Z. Golenkova. Moscow: IS RAS.*)
- Шкаратан О.И. (2005) Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев / Препринт ВШЭ WP7/2005/01, Серия WP7 «Теория и практика общественного выбора». М.: ГУ ВШЭ (*Shkaratan O. (2005) The State Social Policy and Behavioral Strategies of the Middle Strata / Preprint HSE WP7/2005/01, series WP7 «Theory and Practice of Public Choice». Moscow: SU HSE.*)
- Шкаратан О.И. (и коллектив) (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА медиа групп (*Shkaratan O. (and team) (2009) Socio-Economic Inequality and its Reproduction in Contemporary Russia. Moscow: OLMA media grup.*)
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2011) Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. № 2 (*Shkaratan O., Yastrebov G. (2011) Comparative Analysis of Processes of Social Mobility in the USSR and in Contemporary Russia // Obzhestvennyye nauki i sovremennost'. № 2.*)
- Шмелев Н. (1996) Пять лет реформ – пять лет кризиса // Свободная мысль. № 7 (*Shmelev N. (1996) Five years of Reforms – Five Years of Crisis // Svobodnaya mysl'. № 7.*)
- Явлинский Г.А., Космынин А.В. (2011) Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? Российское общество как процесс // Мир России. № 2 (*Yavlinsky G., Kosmyinin A. (2011) Twenty Years of Reforms: Interim Results? // Mir Rossii. № 2.*)
- Balzer H. (ed.) (1996) *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. N.Y., L.: M.E. Sharpe.
- Blau P. (1977) *Inequality and Heterogeneity: a Primitive Theory of Social Structure*. N.Y.: Free Press.
- Burton-James A. (1999) *Knowledge capitalism: Business, Work, and Learning in the Economy*. New York: Oxford university press.
- Castells M. (2004) *Informationalism, networks, and the network society: A theoretical blueprint* // Castells M. (ed.) *The Network Society: A Cross-cultural Perspective*, Northampton: Edward Elgar.
- Clarke S. (2006) *The Development of Capitalism in Russia*. London: Routledge.
- Docquier F., Lowell B., Marfouk A. (2008) *A Gendered Assessment of The Brain Drain* // Policy Research Working Paper 4613. The World Bank, May 2008.
- Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Perseus Book Group.
- Goldthorpe J. et al. (1969) *The Affluent Worker in the Class Structure*. New York: Cambridge university press.
- Giddens A. (1986) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Grünberg E. (1932) *Der Mittelstand in der kapitalistischen Gesellschaft. Eine ökonomische und soziologische Untersuchung*. Leipzig, Hirschfeld.
- Grusky D.B., Manwai C.Ku (2008) *Gloom, Doom and Inequality*. In: Grusky D.B. et al (ed.) *Social Stratification: Classes, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 3rd Ed. Colorado: Westview Press.
- Jonsson J.O., Grusky D.B., Di Carlo M., Pollak R., Brinton M.C. (2009) *Microclass Mobility: Social Reproduction in Four Countries* // *American Journal of Sociology*. № 4.

- Lenski G.* (2008) New Light on Old Issues: The Relevance of ‘Really Existing Socialist Societies’ for Stratification Theory. In: Grusky D.B. et al (ed.) *Social Stratification: Classes, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 3rd Ed. Colorado: Westview Press.
- Mayer A.J.* (1975) The Lower Middle Class as Historical Problem // *The Journal of Modern History*, Vol. 47, №. 3.
- Mills C.W.* (1951) *White Collar: The American Middle Classes*. N.Y.: Oxford University Press.
- Poulantzas N.* (1974) *Les classes sociales dans le capitalisme aujourd’hui*. Paris: Éditions du Seuil.
- Reich W.* (1975) *The mass psychology of fascism*. London. Penguin Books Ltd.
- Shleifer A., Treisman D.* (2004) A Normal Country // *Foreign Affairs*, Vol. 83, №. 2.
- Silverman, Yanowitch* (1997) *New rich, new poor, new Russia: Winners and losers on the Russian road to capitalism*. N.Y.: M.E. Sharpe.
- Stalder F.* (2006) *Manuel Castells: The Theory of the Network Society*. Cambridge: Polity Press.
- Standing G.* (2011) *The precariat: The new dangerous class*. London–New-York: Bloomsbury Academic. Summer/Summer99/summer1999.htm Accessed 20 November 2012.
- Thompson E.P.* (1964) *The Making of the English Working Class*. New York: Pantheon Books.
- Zunz O., Schoppa L., Hiwatari N. (ed.)* (2002) *Social Contracts Under Stress The Middle Classes of America, Europe, and Japan at the Turn of the Century*. N.Y.: The Russell Sage Foundation.